

Treachery and violence are spears pointed at both ends;
they wound those who resort to them worse than their
enemies.

Emily Brontë, Wuthering Heights

Света носила очки. Не отличница вовсе, хорошистка, просто плохо видела. Она – рябая, плотная и округлая – белый кабачонок. Ей исполнилось семнадцать, а выглядела она из-за крупности на двадцать пять лет. Ходила ребёнок ребёнком. С косой, в сером шерстяном сарафане, косившем под школьную форму. В плотных серых

колготках, с плотным серым налётом на пытающихся быть голубыми глазами. Над ней издевались одноклассники, но не сильно. Просто говорили два-три раза за учебный день гадости, изредка кидали снежки в спину и просто били туда кулаками. Спина у Светы – широкая, твердая, затянута в серый корсет шерстяного сарафана. Бившим казалось, что ей не больно. Друзей у Светы не было, это её не волновало. Она что-то смотрела, что-то читала в Интернете. Так как-то вяло загружалась жизнь. Свете ничего толком не было интересно.

Родители умеренно пили по очереди, пятнашками выталкивали друг друга на время в жизнь. Они вели мало-прибыльный овощной бизнес, по вахтам папа заменял маму, мама – папу. Сами вставали за прилавок, продавцы от них часто уходили. Растили дочь как овощ – следили за удобрением – чтобы она ела, следили за общим состоянием – проверкой школьного дневника. Первым занималась мама, вторым – папа. В остальном Света вроде как ничего не чувствовала, была овощем вообще. Привыкла и правда ничего особенно не чувствовать. Родители уже определили её в какой-то глупый недорогой институт для таких же полуовощей, как она. Света существовала в полусне, в полуреальности. Наполовину. Полкабачка.

В трех кварталах от их многоэтажки в хрущевке жил Светин дедушка, инженер-пенсионер. Уже не работал. Тихо занимался ревизией всей своей жизни и навыков. Бабушка умерла пару лет назад. У дедушки осталась красная «копейка». Ещё на ходу, но он не водил из-за потерянного зрения, но всё равно заботился о машине: счищал снег, прогревал её зимой, протирал от пыли хорошо сохранившиеся кожаные сиденья салона. «Копейка» выглядела аккуратно и скромно, как правильно стареющая учительница. У дедушки был гараж, но почему-то очень далеко, поэтому он оставлял «копейку» во дворе.

Однажды Света зашла к бабушке после школы и увидела его красные глаза. Они бывали и раньше красными – от капель. Но сегодня эта краснота не краснела, а пылала – вокруг глаз, в ушах и на щеках бабушки. Его потемневшие от времени руки тряслись. Весь бабушка разом постарел, уменьшился в размерах и превратился в совсем старика. Он бы никогда так не поступил в иной ситуации, Свету не было принято во что-либо включать, но тут стряса особый случай, когда эмоции вылезли из-под контроля. Ничего не объясняя словами, бабушка привел Свету во двор, на кустарную стоянку, к своей «копейке».

Эти «жигули» появились у бабушки, когда ему было уже пятьдесят три года. Ему выплатили разово большую премию на заводе за какое-то изобретение. Год бабушка стоял в очереди на покупку. Прийти и просто купить было нельзя. Света знала эту машину с младенчества. Всегда задирала голову в салоне: наверху – белая, в мелкую маковую крапинку обивка. При долгом взгляде казалось, что маковая поверхность отрывается от обивки и плавает под ней в десяти – пятнадцати сантиметрах. Это было очень красиво. Вся эта машина – один большой красный мак с черными семечками внутри – приносящий нездешнюю, южную радость. Светин бабушка никому не рассказывал, что счастливей всего он был, когда садился за руль красной «копейки» без пассажиров и бесцельно катался по округе. Сейчас Света чувствовала это отчетливо.

Над маком надругались. Красный металл на крыше, бампере, капоте и дверях был исцарапан полосами и дурными словами. Покорёженные дворники тыкали в разбитое переднее окно, по которому в двух местах расходилась белая паутина. Боковое окно у водительского места и вовсе было выбито и скалилось острыми стеклянными клиньями. Красная кожа салона была полусодрана, из неё торчало мясо пожелтевшего синтепона. Вместо

магнитолы зияла дыра. Дедушка иногда приходил в машину просто посидеть и послушать радио, попредставлять, как он водит. Магнитолу он обычно вытаскивал и уносил, но вчера забыл. Белую кожу с маковыми родинками на потолке тоже поцарапали и полусодрали. От «копейки» несло – в салон не раз помочились. Синтепон впитал в себя желтую жидкость, она же лужицами сидела на сохранившейся обивке. Вырванный погнутый руль валялся под кривыми креслами. Три колеса были спущены и впали, как щеки лагерника.

Света и дедушка стояли, молча смотрели на поруганную «копейку». Дедушка часто дышал ртом, пуская тонкую, как из выхлопной трубы, струю пара. Света сняла очки и положила их в карман чёрного пуховика, который обтягивал её фигуру как резиновый (она до сих пор вырастала из вещей). Может, помогло избавление от стекол – но с глаз пропала мутная серая пленка, и они оказались светло-голубыми. И видела Света теперь свободно и отчётливо.

В качестве ритуала они написали заявление в милицию. Худощавый, мельче Светы, милиционер принял заявление молча. Света проводила дедушку домой. Они нашли в шкафу старые простыни. Света соединила их степлером. Она всегда носила его с собой. Ей нравились больше всего два предмета на свете – степлер и венчик. Правда венчик она не носила с собой. Вместе с дедушкой они прикрыли поруганную «копейку» получившейся накидкой. Дома поели щей с хрустящей полусырой капустой, которая венчала обычно поверхность супной воды. Дедушка готовил такие щи сам. В качестве ритуала позвонили маме, потом папе. Последний обещал организовать транспортировку машины в далёкий гараж.

Света шла домой среди рядов многоэтажек. Серые их камни отчего-то теперь виднелись ярче, блестели

металлом. Покрашенные в желтый или розовый хрущевки вносили в глаза тропики и превращали серобокий полупоселок в карнавальный Мехико. Света щурилась от валяющихся на асфальте оберток и бутылок. Под шапкой-ушанкой стучало, кулаки самопроизвольно собирались в шары. Впервые в жизни Света чувствовала бешеную, беспредельную страсть. Внизу живота выстукивало будто второе сердце – главное сердце. Этой страстью была ненависть.

Света стала невероятно деятельной. Включились прежде отключенные функции. Она неожиданно стала хорошо учиться. Размытая память, нецепкое внимание, мутная голова прояснились и работали как исправные механизмы. Света теперь легко решала задачи по математике и физике, монотонно – но верно читала стихи по памяти на уроках литературы, дивила историчку и географичку точными датами, труднопроизносимыми именами и названиями, хорошо выстроенными причинно-следственными связями. Света не замечала своих успехов. Они не имели значения. По ночам она лежала и представляла себе, как избивает этих подростков мужского пола (а кто ещё мог сотворить такое?) ногами, а потом сдирает с них кожу точно так же, как они содрали кожу с дедушкиной «копейки».

Полугород – маленький. Все друг друга знали. Света знала, что найдёт отморозков. Первым делом она, не способная прежде выдать слово незнакомому человеку, в воскресенье обошла всех соседей, окна которых глядели на место копейкиной стоянки. На машину напали днем, многих не было дома. Так и говорили. Кто-то огрызался, особенно нестарые мужики, советовали, грозили Свете не лезть, а оставить дело взрослым мужчинам из милиции. Света и раньше видела это, но не осознавала – а теперь понимала точно, что взрослые мужчины – самые безнадежные для деланья чего-либо люди. Всё обычно

осуществлялось женщинами разного возраста, но обязательно растяжими детей. Света не знала, как это объяснить, но сейчас это было неважно. Пенсионеры тоже ничего не видели или не признавались. Одна только слепая старуха-столетка с пятого этажа, годящаяся даже дедушке в матери, рассказала, что слышала тогда мат трёх невыросших людей. Столетка не ходила давно на улицу, но ей выставляли табурет на загаженный птицами балкон, и она по часу летом и по двадцать минут зимой два раза в день кормила там голубей и воробьёв. Когда внучка столетки с опухшим от быта лицом пинала Свету за дверь, старуха проскрипела, что нужно идти к Вере из дома напротив, так как та давно уже боится телевизора и вместо него смотрит в раму окна.

Света допросила во дворе дома напротив старух мо- ложе, засеявших сухими кореньями своих тел лавочку. Света впервые в жизни подумала, что странно, что её мёртвая теперь бабушка никогда не сидела вот так на лавочке и не общалась с ровесницами. Старухи знали Веру из третьего подъезда, но не хотели ничего говорить про неё. Явно они не любили её, таили какие-то старые обиды. Света обняла их своими чистыми голубыми глазами и объяснила, что найти Веру – вопрос жизни и смерти сейчас. И не стала добавлять, что скорее смерти для отморозков. Вдруг один из кореньев возбужденно закачал отростками и вспомнил, что Света – внучка своей бабушки, которая работала медсестрой и так хорошо, так не больно ставила уколы. Света с досадой подумала, что она почему-то совсем не использует вот этого полезного куска прошлого, забывает. Старухи-коренья зацвели все, закачались, завспоминали. Ещё через минут пятнадцать они наконец-то выдали ей адрес Веры.

Света постучалась в деревянную, цвета полусмытой хны дверь. Не открывали. Потом постучалась ещё раз

и ещё раз. В ударах круглыми кулаками чувствовалась Светина злая страсть и настойчивость. Дверь отперли. Старуха с маленькой морщинистой мордочкой, утопающей в рыжем растрепанном парике, ковыряла Свету взглядом и не впускала её в квартиру. Света сразу спросила про «копейку». Рассказала, кто она. И добавила про бабушку. Вера пососала вставную челюсть и растопырила дверь, разрешая гостье зайти. Провела её в комнату. Та полезла в Светины глаза множеством мелких деталей: книг, статуэток, вязаных салфеток, вазочек. Света подумала, что, наверное, люди чувствуют себя так от наркотиков, как она от своей целеустремлённой ненависти. Напротив большого окна стояло протертое, накрытое пледом кресло. В деревянной облупившейся раме торчал полудвор, полустоянка, где жители ставили свои машины. Ровно по центру экрана, среди бликующих иномарок печалилась всё ещё не вывезенная, накрытая старыми, начинающими загнивать под дождём простынями «копейка». Света впервые осознала, что отморозки не тронули молодые машины, опасаясь, видимо, их молодых хозяев. Но тут же она решила, что дело не в этом. А в том, что молодая ненависть всегда хочет снести всё старое, особенно столь хорошо сохраненное. Света удивилась лезущим невовремя мыслям. Старая Вера в клоунском парике что-то говорила. Пришлось переспросить.

– Это было три брата, – повторила старуха.

– Откуда вы знаете? – удивилась Света.

– Я сразу вижу, я же выросла с тремя братьями, – тверже сообщила Вера, – они вели себя как братья. Один лет одиннадцати, другому пятнадцать, третьему около двадцати.

– Почему не позвонили в милицию? – Света подумала вдруг, что в её городе очень много старых людей, гораз-

до больше, чем виднелось на улицах, – целый дряхлеющий задверный полуофициальный мир.

Рыжепаклевая Вера посмотрела на Свету недоумённо.

– Ну раз они с Седьмого, это опасно. Я же одна живу.

– Откуда вы знаете, что они с Седьмого?

– Ну я же вижу! – ответила старуха Вера.

Седьмой участок – район в самой старой части города, почти музей, где сохранились ещё трёхэтажные послевоенные рабочие полубараки – полукаменные, полудеревянные. Считалось, что здесь теперь жили самые страшные, жестокие и нечестные люди в городе – бандиты, воры и хулиганы. От остального города Седьмой участок отделяла всего лишь ржавая заводская одноколейка. За неё никому чужому ступить не рекомендовалось. Но никто и не ходил. Незачем – всё, что нужно было для выживания – больницы, милиция, ЖЭК, соцзащита, банки, супермаркеты, школы и детсады – находилось вне границ Седьмого. Возможно, там были собственные учреждения, но этого никто не знал.

Света дождалась следующего дня. Думала не надевать сарафан, войти в джинсы. Она не любила никакие штаны, они облипали её ноги и резали пах. Но тут всё-таки дело. Вдруг надо будет бежать, карабкаться через забор. Уже влезла одной левой в штанину и поняла, что надо идти как удобней и привычней. Прямо при отце Света взяла на кухне средней длины нож и сложила в рюкзак. Тот пил чай, сидел к ней спиной и ничего не замечал. Света двигалась в школе через толпу так важно, уверенная в собственной значимости для осуществления своей мести, что знающие и не знающие её расступались, давая ей дорогу. Будто чувствовали обострённым своим ещё утренним, ещё детским чутьём, что во внутреннем кармане рюкзака у неё острый нож. Мама специально носила точить их дедушке, у него был оселок. Света не замечала,

но почти сразу после несчастья с «копейкой» её перестали обзывать и дубасить в школе. Но это было неважно. Все теперь избегали встречи со Светой даже взглядом. Он стал прямой и бесстрашный после того, как она сняла очки. Сегодня он просто жег глаза смотрящего. И учителя не вызывали Свету к доске, не спрашивали её с места – будто боялись потревожить, отвлечь от её миссии.

Света переступила одноколейку. Через небесную хмарь пролезло солнце в первый раз за месяц. Свете не нравились эти лучи. Они кололи глаза, заставляли светиться разные наземные предметы и фотошопили мир. Седьмой не выглядел страшным или опасным. Невысокие каменные дома нежно-розового цвета с деревянными башнями подъездов и балконами были гораздо милее многоэтажек или хрущевок из Светиной части города. Среди домиков толстели старые дубы. Между ними гуляли женщины с колясками. Свете всё это не нравилось. Это было неподходящее место для острого ножа, для сдиранья кожи. Света бродила под солнцем по сухим дубовым листьям и злилась. Мечь переквалифицировалась в прогулку. Необходимо было делать дело. Света вспомнила дедушкино лицо, обоссанную «копейку». Солнце выдавило ещё один луч через облако. Он упал на сальную рыжую голову в клубах дыма. Человек лет шестнадцати с очень грязной головой стоял и курил у подъезда. Света подошла к нему.

– Я ищу трёх братьев, – сказала она.

Курящий отхаркнул.

– Один одиннадцати лет, другой пятнадцати, третьему около...

– Ты от Ильина, что ли? – спросил человек и высморкался на корень дуба. Света промолчала.

– Он всегда таких задротов посылает. Жди, тут надо, б..., дело закончить.

Света послушно встала рядом с человеком под дубом. Через три минуты сальноголовому вынесли два телефона. Вот и всё дело. Переваливаясь, он отправился наискосок мимо домов и дубовых рощиц. Света поспешила за ним, коротко присела, быстро завязала шнурок, а на самом деле переложила нож из рюкзака в карман пуховика, догнала провожатого, готовая к долгому пути, но, оказалось, они уже пришли.

Посреди очередной дубовой рощицы, в окружении кукольных трёхэтажных построек стоял деревянный стол с двумя загруженными людьми скамейками. На столе пестрели водка, кола и закуски на красно-белой скатерти. Ещё издалека Света различила двух старшеклассниц, одного молодого толстяка, одного человека в зеленой куртке, двоих мальчиков – совсем детей – и ещё троих разновозрастных полудетей в одинаковых черных куртках, в одинаковых позах и с равнозначно ухмыляющимися лицами. Когда Света и сальноголовый приблизились к ним, она разглядела братьев. Все были голубоглазы и коротко стрижены так, что на головах у каждого оставалась короткая жёлтая шкура. У первых двух были бабские, полногубые лица с широкими скулами. Младший мальчик – совсем ребёнок – походил на них, но двигал, жуя колбасу, маской явного вырождения. Его рот окружала черная, давно не смываемая грязь. Сальноголовый поднес старшему брату телефоны. Тот коротко посмотрел на них, потом передал Младшему брату. Света разобрала вдруг, что вместо скатерти у отморозков на столе куски копейкиной обивки – красной и белой с маковой сypью. Света стиснула зубы и погладила в кармане кончик ножа.

– Это вот от Ильина, – сказал сальноголовый.

– И чё, б..., этому х... от меня нужно?! Вроде договорились, не? – спросил Старший брат.

Света молчала, не способная ничего выговорить от разъедающей её ненависти.

– Х..., что ли, проглотила? – спросил Средний брат.

Все заржали, в том числе мальчишки-дети голосами из ржавых колокольчиков.

– Да ни х... она не от него. Вы её видали? Он чё, извращенец?! – провизжала девушка-блондинка с паучьеногими ресницами.

Снова все засмеялись. Света молчала, гладила нож и прикидывала, хватит ли ей одного удара для Старшего прежде, чем её убьют эти остальные. Жаль было оставлять их, но Старший – главный и он принял решение про нападение на красную маковую «копейку».

– Чё, б..., надо?! – снова спросил Старший.

– На экскурсию пришла? – выдавил из своего пьяного рта человек в зеленой куртке, на самом деле – самый старший из всех присутствующих, лет двадцати трёх.

Света молчала. Она осознала наконец, что не достанет так Старшего. Не ударит его достаточно сильно. Нужно было подойти ближе. Страшным, почти нечеловеческим усилием она нажала на себя изнутри, придушила ненависть и посмотрела на Старшего чудной помесью лихорадочного интереса, жалости и обеспокоенности. Света не знала, а это был взгляд матери. И Старший вдруг потаял.

– Пить хочешь? – спросил он.

Ей освободили место между мальчишками-детьми, прямо напротив Старшего, и налили водки. Света влезла между лавкой и столом, спокойно задирая ноги и сверкая колготочными ляжками. Блондинка и её подруга с тёмным каре прыснули. Света выпила водки, не закусывая, ничего не ощущая и всё это время не отрывая взгляда от Старшего.

– Бл..., она клеится, что ли, не пойму?! – нервно сказала блондинка.

Люди мужского пола за столом засмеялись – все, кроме Старшего. Младший покатывался громко и хрипло.

– А может, и да, тебе чего? – сказал он.

Они долго матерно препирались, как давно женатые, потом блондинка послала его, Свету и всех остальных и девушки ушли. Света не отрывала взгляд от глаз Старшего.

– Чё, трахаться хочешь? – сказал Старший брат.

Света подумала и кивнула.

– Ни х... себе! – голосом курящей взрослой женщины восторгнулся Младший.

– Ну пойдём, – спокойно сказал Старший.

Сидящие за столом снова загромыхали смехом, но сдержанно. Старший брат двинулся к подъезду. Света вылезла из-за стола и вступила за ним.

– Только, бл..., не на моей кровати! – заорал Средний.

– И не на моей, – прохрипел Младший.

Старший придержал Свете дверь. Сказал, что на второй. Света вошла в жалкий скособоченный подъезд, пахнущий сыростью и деревянной старостью. Под ногами скрипели половицы. В подъезде её многоэтажки пахло мочой и блевотиной. Здесь было лучше. Света поднималась. Старший шёл за ней, разглядывая её зад. На втором этаже зашли в квартиру, которая оказалась обычной двушкой не беднее и не богаче жилья Светиных родителей. Старший призвал Свету не беспокоиться: матери не было дома, а отец уехал.

Света трогала нож. Она прошла в комнату прямо в пуховике. Старший сказал, что в доме не холодно. Он закрыл шторы. Это были идеальные условия. Света принялась вытаскивать нож. Старший подошёл к ней, стянул с неё пуховик и принялся целовать пухлыми своими губами, громко дыша ей в уши. Старший раздел её дальше,

разделся сам и привел её к кровати. Света успела бросить пуховик рядом. Дальше она более всего удивилась себе: что не стеснялась, не производила неуклюжих движений и не страдала от боли или отвращения. И Старший удивился кровавому подарку и пару раз серьёзно сказал, что придется жениться. Они полулежали под одеялом, под постерами с голыми женщинами. Голова Старшего находилась на Светином животе. Лоб его уткнулся в мягкие Светины складки. Её крупные, белые, с синими венами груди, дышащие как отдельные звери, сидели у него на голове. Через занавеску пролезло лезвие луча. В Свете ещё осталась ненависть. Она поглядела на широкую шею Старшего и потянула руку к валяющемуся у кровати пуховику. Но вдруг ей сделалось неизмеримо лень лезть за ножом. Она просто погладила зависшей ладонью Старшего по голове.

Когда они вышли во двор, солнце уже сбежало, но люди по-прежнему сидели за столом, покрытым кожей машины Светинога дедушки. Ушел один из мальчиков и сальноголовый, но остальные были тут. Старшего и Свету встретили как молодоженов – ласковым улюлюканьем. Свету усадили, накрыли ещё какой-то курткой, налили ей и вложили в ладонь бутерброд. Старший прошептал Свете, что она теперь его тёлка. Она поняла, что забыла в квартире шапку, но ей не было холодно. Младший брат и его ровесники показывали фокусы – как можно продать куклу телефона и изобразить при этом его звонок и вибрацию. Все гоготали. Света тоже улыбалась, но чувствовала, как разогнанная по всему телу ненависть тихо заново скапливается в её животе. Она гладила рукой обивку из своего детства и выдыхала изо рта сигаретный дым – Старший зажгёт ей сигарету. Дубы урчали листьями от ветра. Небо белело невестиним платьем. Лево́й рукой Света потрогала лезвие. Голову хороводило от смеси

табака с алкоголем. Света увидела, что дубы окружают их со всех сторон, услышала, как по-железному они зазвенели листьями. Старший нагнулся к ней, сказал, что она у него совсем запьянела. И засмеялся.

Внезапно двор накрыл хоровой мужской крик, свист и очередь матерных ругательств. Вскочил самый старый, почти двадцатитрёхлетний человек в зелёной куртке и сделал то, о чём мечтала Света последние три часа – вытащил из кармана нож. Вскочили все остальные и сделали то же самое. Только Света осталась сидеть за столом, держась левой рукой за лезвие, правой рукой за сигарету. Вокруг дрались люди: те, с которыми она сегодня проводила день – Братья и их друзья бились с какими-то пришлыми. Пришлые нападали, братья с друзьями отбивались. Пришлых количеством было больше. Воздух напивался матом, стонами и потно-кровавым запахом. То и дело в разных точках дворового пространства красными маками прыскала кровь – от удара ножа или кулака. Света крутила головой по сторонам, потом устала и просто застыла на месте, держась обеими руками за копейкину обивку и не отрывая от неё глаз. Где-то закричала немолодая женщина, та самая, которая растит или уже вырастила ребёнка. Света поняла, что всё скоро закончится, потому что в дело вмешаются взрослые женщины.

Всё и правда затихло. Света подняла голову и оглянулась. Пришлые утаскивали своих раненых. Вокруг стола валялись нестарые мужские тела. Рядом лежал Старший с круглой темно-красной раной в щеке. Глядел своими бирюзовыми кристаллами в небо. Неподалёку валялся человек в зелёной куртке с порванным рукавом, с полусодранной – от запястья до локтя – кожей. Света видела теперь торчащую плоть и сухожилия и понимала теперь, как происходит сдирание кожи. Дальше у дуба, свернувшись

в колесо, валялся Младший брат. Среднего не было видно. На ухо заорали:

– А ну вставай, б...!

Света вылезла из-за стола, зацепившись коленом за гвоздь, порвала шерстяные колготки. Перед ней раскачивался от ненависти юный человек с кровавой марлей глаз. Света удивилась, что враг Братьев почти ничем не отличался от них внешне. Такой же светлый, коротко стриженный, голубоглазый, женственно-большегубый.

– Ты его телка, что ли? – закричал он снова. – Я видел, как вы сидели, голубки, б...!

Света посмотрела на рану-мак в щеке Старшего брата и ответила: «Да» – будто её обвенчали с этим мёртвым женихом. Клон нацелился на неё ножом.

Вдруг его руку остановил другой пришлый человек, похожий на него самого, и на всех Братьев, и на их друзей.

– Ты чё, ты её видишь?! Как это может быть его телка?!

Рядом сиреной заголосила женщина.

– Надо съё... ся на ху...! – договорил другой пришлый. – Б..., мы же вообще мимо пройти собирались!

Человек с кровавыми глазами сунул нож в карман. Спотыкаясь о тела поверженных, пришлые убежали в сторону дубового леса. Хотя какие они пришлые, если они тоже с Седьмого. Голосящая женщина в фартуке и тапках качала на руках мальчика – друга Младшего брата. На месте битвы стали появляться другие женщины. Подъезжала скорая. Света медленно двинулась в сторону города. Осторожно обходя лежащих людей, она беспрепятственно покинула двор, чуть, правда, не споткнувшись о Среднего. Прошла сквозь милые малоэтажные кварталы Седьмого участка, мимо дубовых рощиц и снова встретила женщин с колясками, которые растили своих детей, чтобы те потом пускали друг из друга кровавые маки.

Света переступила одноколейку обратно, и тут всё сделалось совсем узнаваемо. Голова замерзла, и пришлось надеть капюшон. Цвета снова стали прежними – из тропических вернулись в русские, серые. Ненависти в Свете не осталось вовсе, вся она перетекла в пришлое, которые собирались просто пройти мимо, но вдруг напали на Братьев и их друзей. Дома была мама, она смотрела телевизор и не заметила ни пропажи шапки, ни порванных колготок, не унюхала запахов табака, водки и первого дочеринного секса.

Несколько последующих недель Света не со страхом, а с интересом ждала, когда к ней придёт милиция, которая, скорее всего, нашла шапку у Братьев дома и опросила свидетелей. Или кто-нибудь с Седьмого. Но никто не являлся. Света проверяла локальные, областные, федеральные новостные сайты, покупала ежедневно местную газету – все молчали. Макового побоища будто никогда не случилось, а если и произошло нечто подобное, то, видимо, в совсем другом мире, за одноколейкой. От Светиной многоэтажки до дома Братьев пешком – полчаса, от дедушкиной пятиэтажки до дома Братьев – пятнадцать минут.

Света, к удивлению всех, кроме дедушки, очень хорошо сдала ЕГЭ. К удивлению всех, кроме дедушки, она выбрала совсем другой институт и город для учебы. Потом, к удивлению совсем всех, она уехала учиться и работать в другую страну. Местные жители там носили значки в виде маков, когда вспоминали своих погибших на войне. Света тоже вспоминала всех своих.

Она занималась в университете биохимией. Похудела, остригла косу, по-прежнему носила только юбки. «I'm not a tomboy», – объясняла она. Очки не надевала. Отрезок от копейкиной трагедии до макового побоища Света вспоминала как собственное временное безумие,

удивлялась, что способна была таскать в себе такую сильную ненависть. Выработанный тогда для Старшего взгляд пригодился. Особенно когда она бросила временно университет и переехала в мегаполис, в самую недорогую его, восточную часть. Несколько лет спустя поэт назовёт этот район «Восточным Мордором». Тут было страшнее, чем в Седьмом. Чудная помесь лихорадочного интереса, жалости и обеспокоенности во взгляде часто срабатывала: поговорив со Светой, люди просто уходили. А потом она переехала в Crouch End. Дальше и вовсе вернулась в небольшой университетский город на севере страны.

Света не знала, что три недели спустя после макового побоища двенадцатилетний Младший вышел из больницы. Его друг тоже выжил, просто лишился глаза. Пришлым всем было к двадцати, они не тратили силы на детей. У Младшего быстро затянулись две его раны брюшной полости. Он слышал тогда Светино «да» и был восхищен её неотказом от Старшего брата перед лезвием. Он захотел найти её, поговорить с ней, даже жениться на ней через несколько лет. Имени девушки он не знал, понимал только, что она была с другой стороны однопутейки. Он неплохо соображал – не даром его так любил Старший, делал на него ставку. Очевидно, что невеста Брата (так он её называл) не училась в хреновой второй школе (туда ходил даже кто-то с Седьмого, хоть и она и находилась уже по ту сторону железной дороги). По внешнему виду невесты Брата Младший понимал, что она не могла учиться в самой престижной третьей. Оставалась первая.

Младший пару недель подежурил у школы по утрам. Не каждый день, но через каждые два дня: нельзя было надолго бросать Седьмой. Невеста Брата не показывалась (Света долго болела гриппом). Младший уже почти отчаялся, но вот наконец увидел её утром в том же

черном пуховике и серых колготках. Он замерз, вымок под снежным дождем, но всё же дождался невесты Брата после уроков. Она свернула не в ту сторону, откуда пришла, а отправилась налево, в условную сторону Седьмого. Младший шел за ней, не решаясь догнать или окликнуть. Почти в центре города девушка зашла в крайний подъезд пятиэтажки. Младший соображал, что делать дальше, но невеста Брата быстро показалась на улице с каким-то стариком. Они обошли дом и отправились на кустарную автостоянку. Остановились перед накрытой грязной тряпкой красной тачкой. К ним подошел полноватый взрослый мужик. Ждали. Мужик принялся звонить. Света топталась на месте – мерзла даже в шерстяных колготках. Через минут семь-восемь подъехал эвакуатор. Когда тачку погрузили, с нее соскочила тряпка, и Младший узнал «жигули». Это он тогда уговорил братьев раскурочить красное старье. Старший его любил и всегда поддавался. Было очень весело. Днем и в центре полугорода, и никто не мешал. Младший понял, что эта приходила тогда не как невеста, а как ангел смерти, искала их с братьями, чтобы отомстить, и нашла.

Он бежал, не останавливаясь, до самой однокорейки, а потом – до своей квартиры, где они жили теперь вдвоём с матерью. Никогда Младший больше, кроме двух-трех случаев крайней необходимости, не переступал ржавой железной дороги, развивая все свои дела только в Седьмом и удаляясь дальше от центра в противоположную сторону, куда частным сектором разрастался полупосёлок.

Света с дедушкой часто созванивались. Он уговаривал её научиться вождению. Хотел разделить с внучкой это своё счастье. Однажды она согласилась. Выписала себе специальные очки. Потратила много денег на инструкторов. Только с четвертого раза сдала. Принялась искать

машину на eBay и наткнулась на подержанный красный фольксваген-вэн с потолком белой кожи в черную маковую крапинку. Трясущимися руками за две минуты она потратила семьсот фунтов. Ей не нужен был вэн, но раз он появился, значит, близилось путешествие.

Света отправилась в поездку по стране. На стоянках она лежала на установленном внутри вэна топчане и смотрела в потолок. При долгом взгляде казалось, что маковая поверхность отрывается от обивки и плавает под ней в десяти – пятнадцати сантиметрах. Это было очень красиво, и это было Светино счастье. Вэн – один большой красный мак с черными семечками внутри – приносящий нездешнюю, южную радость. Он заглох вечером посреди вересковых полей в Йоркшире. Сигнал тут не ловился. Первая машина должна была появиться на дороге только утром. Света осталась ночевать в Dales. Она сидела на полу салона с включенным фонариком, свесив ноги в поле, слушала, как ветер колышет вереск и пыталась понять, похож ли этот звук на то, как урчали листья дуба в Седьмом. Нет, не похож.